

Приговор в Карлсруэ: «Пожизненное для палача Минска!»

Аннотация. Процесс против секретаря уголовной полиции Карлсруэ Адольфа Рюбе, состоявшийся в 1949 г., стал первым в ФРГ судебным разбирательством, в ходе которого были рассмотрены нацистские злодеяния, совершенные на территории Беларуси. На примере данного процесса в статье сделана попытка выявить специфику рассмотрения судами Западной Германии уголовных дел, связанных с совершением преступлений холокоста в Восточной Европе. Законодательство ФРГ исключало возможность наказания нацистских преступников за геноцид, преступления против мира и человечности. Руководствуясь нормами Уголовного кодекса Германии 1871 г., немецкое правосудие рассматривало каждый случай убийства евреев в годы национал-социализма в качестве отдельного преступления, вызванного личностными мотивами. Исходя из этого, А. Рюбе понес наказание не за участие в организованном государством, бюрократически спланированном геноциде еврейского народа, а за совершение отдельно взятых, никак не связанных между собой убийств. Подсудимый, обвинявшийся в убийстве 436 евреев Минского гетто, был признан виновным в противоправном лишении жизни 27 человек и приговорен к пожизненному лишению свободы. Однако в 1962 г. он был амнистирован и оказался на свободе. Представляя холокост в виде мозаики индивидуальных, не связанных между собой преступных деяний, немецкая юстиция поддерживала иллюзию о том, что «нормальные» немцы «ничего не знали» о массовом уничтожении евреев, что холокост — это исключительно плод деяний Гитлера, его фанатичного окружения и отдельных «патологических садистов», «сексуальных маньяков» и «выскочек» наподобие А. Рюбе, стремившихся самоутвердиться за счет еврейских жертв.

Ключевые слова: Адольф Рюбе, Минское гетто, холокост, геноцид, массовое уничтожение евреев, нацистские преступники, ФРГ, уголовное право, суд, приговор, ответственность, вина, преступление, свидетели, жертвы.

DOI: 10.17803/1729-5920.2019.157.12.105-121

© Грахоцкий А. П., 2019

* Грахоцкий Александр Павлович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, начальник отдела международных связей Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины
grahocki@gmail.com
246019, Республика Беларусь, г. Гомель, ул. Кирова, д. 119

Отечественные и зарубежные исследователи сходятся во мнении о том, что никакая другая страна Европы не понесла таких тяжелых потерь в ходе Второй мировой войны, как Беларусь¹. По разным подсчетам, Республика потеряла от четверти до трети своего населения². На территории страны оккупанты уничтожили более 700 тыс. советских военнопленных, от 500 тыс. до 800 тыс. евреев³, около 340 тыс. белорусских крестьян пали жертвами нацистских экзекуций во время «антипартизанских акций». Порядка 380 тыс. жителей Беларуси были угнаны на территорию Третьего рейха для использования их рабского труда⁴.

В 186 белорусских населенных пунктах существовали еврейские гетто⁵. Так, Минское гетто, являвшееся одним из самых массовых в Европе, насчитывало около 100 тыс. человек. В нем были размещены и евреи, депортированные нацистами из Германии, Австрии, Чехии. Последние помещались в специально выделенную часть гетто, получившую название «зондергет-

то»⁶. Осенью 1941 г. в окрестностях Минска был создан один из крупнейших в Европе лагерей смерти Малый Тростенец. По разным оценкам, в нем было уничтожено от 60 тыс. до 206 тыс. человек⁷. Основную массу жертв составили евреи⁸, советские военнопленные, партизаны и лица, подозревавшиеся в связях с ними⁹.

Еще до окончания войны встал вопрос о необходимости привлечения нацистских преступников к уголовной ответственности¹⁰. В ноябре 1945 — октябре 1946 г. в Нюрнберге состоялся Международный военный трибунал над 24 главными военными преступниками¹¹. Вслед за Нюрнбергским процессом последовали судебные разбирательства, организованные союзниками (Советским Союзом, США, Великобританией и Францией) в своих зонах оккупации¹². По подсчетом немецкого историка А. Вайнке, в течение 1945—1949 гг. перед трибуналами союзников предстало около 10 тыс. гитлеровских преступников¹³. Судебные процессы проводились и в странах, где нацисты

¹ См., например: *Лицкевич О.* Людские потери Беларуси в войне // *Беларуская думка*. 2009. № 5. С. 92 ; *Gerlach Ch.* Deutsche Wirtschaftsinteressen, Besatzungspolitik und der Mord an den Juden in Weißrussland 1941—1943 // «Existiert das Ghetto noch?» Weißrussland: Jüdisches Überleben gegen nationalsozialistische Herrschaft / Hg. Projektgruppe Belarus. Berlin, 2003. S. 193.

² *Лицкевич О.* Указ. соч. С. 92—97.

³ О различных подходах к определению количества жертв среди еврейского населения Беларуси см.: *Смиловицкий Л.* Катастрофа евреев в Белоруссии. Тель-Авив, 2000. С. 29—30.

⁴ *Gerlach Ch.* Deutsche Wirtschaftsinteressen, Besatzungspolitik und der Mord an den Juden in Weißrussland 1941—1943. S. 193.

⁵ Последствия Великой Отечественной войны для Беларуси // Архивы Беларуси. URL: <https://archives.gov.by/index.php?id=697135> (дата обращения: 12.05.2019).

⁶ См. подробно: *Epstein B.* The Minsk Ghetto, 1941—1943. Jewish Resistance and Soviet Internationalism. University of California Press, 2008.

⁷ См.: *Dalhouski A.* Zur Geschichte der Wahrnehmung vom Vernichtungsort Malyj Trosteneц // Leerstelle(n)? Der deutsche Vernichtungskrieg 1941—1944 und die Vergegenwärtigung des Geschehens nach 1989 / Hg. A. Klei, K. Stoll. Berlin, 2018. S. 135—149.

⁸ Среди еврейских жертв Тростенца были и 20 тыс. западноевропейских евреев.

⁹ *Gerlach Ch.* Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941 bis 1944. Hamburg, 1999. S. 768—770.

¹⁰ *Arendes C.* Zwischen Justiz und Tagespresse. «Durchschnittstäter» in regionalen NS-Verfahren. Paderborn, 2012. S. 80—81.

¹¹ См.: *Heydecker J. J., Leeb J.* Der Nürnberger Prozess. Köln, 2015.

¹² См., например: *Wentker H.* Die juristische Ahndung von NS-Verbrechen in der Sowjetischen Besatzungszone und in der DDR // *Kritische Justiz*. 2002. Vol. 35. S. 60—78 ; *Pauli G.* Ein hohes Gericht — Der Oberste Gerichtshof für die Britische Zone und seine Rechtsprechung zu Straftaten im Dritten Reich // 50 Jahre Justiz in Nordrhein-Westfalen / Red. P. Busse. Düsseldorf, 1996 ; *Der Nationalsozialismus vor Gericht: die alliierten Prozesse gegen Kriegsverbrecher und Soldaten 1943—1952* / Hg. G. R. Ueberschär. Frankfurt am Main, 1999 ; *Perels J.* Verpasste Chancen. Zur Bedeutung der Nürnberger Nachfolgeprozesse vor dem Hintergrund der ungenügenden Strafverfolgung von NS-Tätern in der BRD // *Die frühen Nachkriegsprozesse* / Hg. K. Buck. Bremen, 1997. S. 30—37.

¹³ *Weinke A.* Die Verfolgung von NS-Tätern im geteilten Deutschland. Vergangenheitsbewältigungen 1949—1969 oder: Eine deutsch-deutsche Beziehungsgeschichte im Kalten Krieg. Paderborn, 2002.

совершали свои злодеяния: Советском Союзе (в том числе и в БССР), Польше, Чехословакии, Югославии, Франции, Голландии и других государствах¹⁴.

В первые послевоенные годы оккупационная администрация существенно ограничила компетенцию немецкой юстиции в сфере преследования нацистских преступников. Согласно Закону Контрольного совета № 4 от 30 октября 1945 г., немецким органам правосудия запрещалось рассматривать преступления, совершенные гитлеровцами по отношению к гражданам стран — союзниц по антигитлеровской коалиции. Подобного рода уголовные дела разбирались исключительно трибуналами союзников. Однако по мере восстановления суверенитета Германии и образования двух германских государств осуществлялось постепенное расширение полномочий немецких судов. Так, в советской зоне оккупации уже с 1946 г. военная администрация допускала рассмотрение германскими судами уголовных дел по преступлениям, совершенным немцами против граждан других государств. В 1948 г. в американской зоне немецкие суды получили разрешение разбирать уголовные дела по преступлениям против евреев Восточной Европы, иностранных принудительных рабочих, насильственно угнанных на территорию Третьего рейха. Подобное расширение компетенции немецких судов в британской зоне произошло в 1949 г.¹⁵

К 1949 г. в правосудии Западной Германии сформировалась устойчивая практика, согласно которой суды рассматривали нацистские преступления исключительно в рамках немецкого законодательства. Со вступлением в силу Конституции ФРГ 23 мая 1949 г., закрепившей

в ст. 103 абсолютный запрет обратной силы закона, данный подход восторжествовал окончательно: приговоры гитлеровским преступникам выносились в соответствии с нормами германского права, действовавшего на момент совершения преступления¹⁶. Таким образом, юстиция ФРГ проигнорировала нормы Международного военного трибунала в Нюрнберге и основанные на положениях этого трибунала законодательные акты союзников. В частности, немецкими судами фактически не применялся Закон Контрольного совета № 10, предусматривавший такие составы нацистских преступлений, как преступления против мира, против человечности, военные преступления, принадлежность к определенным категориям преступной группы или организации (НСДАП, гестапо, СД, СС, СА и др.)¹⁷.

При рассмотрении дел нацистских преступников немецкие судьи руководствовались положениями Уголовного кодекса Германии (далее — УК), принятого еще в 1871 г. и действующего с определенными изменениями и дополнениями по сей день. В УК отсутствовали такие составы, как преступления против мира, человечности, геноцид. Исходя из этого, организованные государством, бюрократически спланированные массовые уничтожения людей могли рассматриваться лишь как отдельно взятые, не связанные между собой случаи убийств.

В 1949 г. суд Западной Германии впервые рассмотрел дело, связанное с нацистскими преступлениями на территории Беларуси. Перед судом города Карлсруэ предстал преступник Минского гетто Адольф Рюбе¹⁸. Этот процесс стал одним из первых судебных разбирательств в ФРГ, положивших начало целой плеяде про-

¹⁴ См., например: *Cyprian T., Sawicki J.* Siedem wyroków Najwyższego Trybunału Narodowego. Poznań, 1962; *Асташкин Д. Ю.* Открытый судебный процесс над нацистскими военными преступниками в Новгороде (1947 г.) // Новгородский исторический сборник. 2014. № 4. С. 352—375; *Шаркоў А.* Нацысцкія злачынцы перад судом ваенных трыбуналаў у Беларусі ў 1945—1950 гг. // Беларускі гістарычны часопіс. 2010. № 7. С. 41—50; *Zeidler M.* Der Minsker Kriegsverbrecherprozess vom Januar 1946 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2004. Heft 2. S. 211—244.

¹⁵ *Jasch H.-Ch., Kaiser W.* Der Holocaust vor deutschen Gerichten: Amnestieren, Verdrängen, Bestrafen. Ditzingen, 2017. S. 35.

¹⁶ *Eichmüller A.* Keine Generalamnestie. Die Strafverfolgung von NS-Verbrechen in der frühen Bundesrepublik. München, 2012. S. 3.

¹⁷ Закон № 10 Контрольного Совета в Германии [принят 20 декабря 1945 г.] // URL: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/451220.htm> (дата обращения: 22.01.2018). См. об этом подробно: *Ледях И. А.* Нацистские преступники и судебная практика в ФРГ. М., 1973.

¹⁸ Das Urteil des Landgerichts Karlsruhe vom 15.12.1949, 3a Ks 2/49 // Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen 1945—1966. Band IX. Amsterdam, 1972. № 298. S. 6—43.

цессов 1950-х гг., предметом которых стали преступления холокоста в Восточной Европе¹⁹. В данной статье поставлена цель на примере процесса против Адольфа Рюбе показать специфику рассмотрения судами ФРГ уголовных дел, связанных с совершением подобных злодеяний.

Адольф Рюбе родился в 1896 г. в Карлсруэ. После окончания восьмилетней народной школы, с 1910 по 1913 г., он обучался в ремесленном училище, где получил профессию декоратора. Отработав год в качестве подмастерья, А. Рюбе был направлен на фронт: в годы Первой мировой войны подсудимый проходил службу в полку полевой артиллерии, однако в боевых действиях не участвовал, выполнял обязанности штабного писаря. После окончания войны Рюбе остался на службе в военной канцелярии. В 1920 г. он перешел на работу в полицию. В 1924 г. Адольф Рюбе вступил в брак с Эльзой Вальдман. Как отмечалось в тексте судебного приговора, этот брак был «гармоничным», хотя супругам так и не удалось завести детей по причине болезненного состояния жены²⁰. В 1929 г. обвиняемый получил унтер-офицерское звание секретаря уголовной полиции («криминаль-секретарь»). В этом звании он оставался вплоть до 1945 г. В полицейском управлении А. Рюбе занимался исключительно бюрократической работой, в его обязанности входило ведение картотеки разыскиваемых предметов. И только в 1940 г. он был переведен в отдел превентивного надзора, где служил до момента командирования на Восток²¹.

Следствию не удалось установить точное время прибытия А. Рюбе в Минск. Сам обвиняемый утверждал, что оказался в городе в конце ноября 1942 г. Однако, согласно показаниям некоторых свидетелей, Рюбе прибыл в белорусскую столицу еще весной или летом 1942 г. Выяснение даты приезда обвиняемого имело принципиальное значение. С весны 1942 г. в Минском гетто нацистами было проведено как минимум 2 акции массового унич-

тожения евреев: 2—3 марта 1942 г. было убито 3 412 чел., 28—31 июля 1942 г. — около 10 тыс. чел.²² К концу 1942 г. в гетто оставались в живых лишь около 12 тыс. евреев (2 600 европейских евреев в «зондергетто» и 9 472 белорусских)²³. Доказывая, что прибыл в Минск в конце ноября 1942 г., Рюбе снимал с себя любые подозрения в причастности к перечисленным погромам. В итоге суд посчитал показания обвиняемого о времени прибытия в город правдивыми²⁴.

В ходе судебного разбирательства А. Рюбе говорил, что перед отправкой в Минск до него доходили слухи о расстрелах мирных граждан, которые проводила на Востоке немецкая полиция. В связи с этим обвиняемый предпринимал все возможные меры для того, чтобы избежать командирования: представлял медицинские справки о проблемах со здоровьем, обращался к начальству с просьбой оставить его на службе в Германии, подключал жену и тещу, которые также выступали с подобными обращениями к полицейскому руководству²⁵.

Несмотря на проделанные усилия, Рюбе поступил в распоряжение Управления полиции безопасности и СД Генерального округа Беларусь (Generalbezirk Weißruthenien) в Минске. Данное управление имело в своей структуре 5 отделов: первый и второй занимались административно-хозяйственными, кадровыми и финансовыми вопросами, третий отдел — служба безопасности (СД), четвертый — тайная государственная полиция (гестапо), пятый — уголовная полиция. Изначально Адольф Рюбе поступил на службу в уголовную полицию, занимавшуюся расследованием преступлений, совершенных местными жителями. Здесь он работал до марта 1943 г.²⁶ После этого Рюбе был переведен в гестапо. В структуре четвертого отдела имелись два подотдела: первый занимался выявлением участников подполья и предотвращением диверсий, в ведении второго находились «еврейский вопрос», расследования преступлений, связанных с кражей государственной собственности и контрабандой оружия²⁷.

¹⁹ См. об этом: *Eichmüller A.* Op. cit. S. 285—315.

²⁰ *Das Urteil vom 15.12.1949.* S. 8.

²¹ *Das Urteil vom 15.12.1949.* S. 7—8.

²² *Gerlach Ch.* *Kalkulierte Morde.* S. 691, 704.

²³ *Gerlach Ch.* *Kalkulierte Morde.* S. 707.

²⁴ *Das Urteil vom 15.12.1949.* S. 11.

²⁵ *Das Urteil vom 15.12.1949.* S. 10—11.

²⁶ *Das Urteil vom 15.12.1949.* S. 12.

²⁷ *Das Urteil vom 15.12.1949.* S. 12.

На новом месте службы обвиняемый занимался «еврейским вопросом». В ходе процесса Рюбе пояснял, что в его обязанности входили организация охраны гетто, контроль над трудовой дисциплиной узников, санитарным и техническим состоянием зданий и сооружений, взаимодействие с юденратом. Свидетели из числа бывших узников Минского гетто, депортированных в Минск из Германии, утверждали, что Рюбе фактически являлся «комендантом» гетто, под его контролем находился и трудовой лагерь СС на ул. Широкой. По словам очевидцев, обвиняемый лично руководил большинством экзекуций, проводившихся в гетто и лагере. На процессе прозвучали следующие высказывания узников: «Рюбе был ужасом лагеря»; «Рюбе был неограниченным правителем гетто...»; «Если Рюбе приезжал на фабрику, у каждого начинало биться сердце, каждый думал, что пришел его черед»; «Все узники без исключения его боялись. Если приезжал Рюбе, никто не хотел попадаться ему на глаза... Его обходили за версту»²⁸.

После окончательной ликвидации Минского гетто в ноябре 1943 г.²⁹ Адольф Рюбе был направлен в состав зондеркоманды 1005-центр, прибывшей в Малый Тростенец для организации работ по эксгумации и сожжению тел жертв, расстрелянных в Благовщине³⁰. Рюбе являлся начальником рабочего подразделения. Непосредственные работы по извлечению и уничтожению трупов выполняли советские военнопленные³¹.

В сентябре 1945 г. подсудимый вернулся в Германию. Окончание войны застало его на

полицейской службе в Бадене³². В мае 1945 г. А. Рюбе, как член НСДАП, был арестован французскими военными. Спустя месяц его отпустили, после чего он вернулся в Карлсруэ. В то время город находился в американской зоне оккупации. 5 марта 1946 г. в землях, оккупированных США, вступил в силу Закон № 104 «Об освобождении от национал-социализма и милитаризма». Данный Закон предписывал каждому немцу, достигшему 18 лет, заполнить анкету, состоящую из 133 вопросов. На основе полученных ответов власти определяли степень виновности и причастность конкретного лица к преступлениям национал-социализма³³. Такую анкету А. Рюбе заполнил в апреле 1946 г. В ней он указал, что являлся членом НСДАП, однако не упомянул о том, что в 1942—1944 гг. находился в Минске. На основании этой анкеты Рюбе был отнесен к категории «незначительных преступников», что позволяло ему оставаться на свободе³⁴.

Однако 28 декабря 1946 г. А. Рюбе был снова задержан. К оккупационным властям в Карлсруэ обратился бывший узник Минского гетто, немецкий еврей Эрвин Маркус. Он сообщил, что Рюбе в годы войны проходил службу в Минском гетто, где совершил массу преступлений. В апреле 1947 г. обвиняемый был взят под арест. Решением суда присяжных 30 апреля 1948 г. в связи с вновь открывшимися обстоятельствами Рюбе был отнесен к категории «главных преступников»³⁵. Дело А. Рюбе было передано в прокуратуру Карлсруэ. После завершения расследования в 1949 г. состоялось судебное разбирательство³⁶.

²⁸ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 30.

²⁹ В Минске и Малом Тростенце оставалось в живых лишь около 500 евреев. См.: *Gerlach Ch. Kalkulierte Morde*. S. 742.

³⁰ Урочище Благовщина являлось местом массовых расстрелов узников Малого Тростенца. Эксгумируя и сжигая тела, нацистские преступники стремились скрыть следы своих злодеяний. См. об этом: *Hoffmann J. «Das kann man nicht erzählen»: «Aktion 1005», wie die Nazis die Spuren ihrer Massenmorde in Osteuropa beseitigten*. Hamburg, 2008.

³¹ См. выдержку из показаний А. Рюбе в декабре 1947 г.: Тростенец: трагедия народов Европы, память в Беларуси: документы и материалы / сост. В. И. Адамушко [и др.]. Минск, 2016. С. 196—197.

Об этом преступник также упоминал в феврале 1968 г., когда давал показания против своего бывшего начальника, шефа гестапо Минска Георга Хойзера. См.: Там же. С. 261—262.

³² Das Urteil vom 15.12.1949. S. 8.

³³ Закон предусматривал выделение 5 категорий граждан: 1) главные преступники, 2) преступники, 3) незначительные преступники, 4) «попутчики», 5) невиновные (реабилитированные). См.: *Жаронкина Е. А. Денацификация в американской зоне оккупации Германии: этапы, проблемы и итоги // Известия Алтайского государственного университета*. 2008. № 4. С. 63—67.

³⁴ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 10.

³⁵ Функционирование таких судов предусматривалось Законом № 104. В состав суда входили 3—5 немецких граждан в возрасте не моложе 30 лет. См.: *Жаронкина Е. А. Указ. соч.*

Против Адольфа Рюбе были выдвинуты обвинения в убийстве 436 евреев Минского гетто. В ходе процесса было рассмотрено 16 эпизодов преступной деятельности Рюбе в Минске. Подсудимому вменялись следующие убийства:

- 1) 14 немецких евреек в возрасте от 20 до 25 лет, обвиненных в краже продуктов питания (лето 1943 г.);
- 2) 4 молодых немецких евреек, подозревавшихся во вступлении в половую связь с солдатами вермахта (лето 1943 г.);
- 3) 5 немецких евреек по невыясненным причинам (позднее лето 1943 г.);
- 4) немецкой еврейки, обвиненной в половой связи с христианином (1943 г.);
- 5) супружеской пары немецких евреев Катц и чешского еврея Брандайса по невыясненным причинам (13 марта или 13 апреля 1943 г.);
- 6) супружеской пары немецких евреев Риндскопф по причине того, что супруга обвинялась в краже броши со склада ценных вещей;
- 7) немецкого еврея, нелюбезно высказавшегося о национал-социализме в письме брату (осень 1943 г.);
- 8) минимум 200 белорусских евреев³⁷ по невыясненным причинам;
- 9) отравление минимум 50 немецких евреев в газенвагене (газовом автомобиле);
- 10) минимум 100 немецких евреев, находившихся на лечении в больнице гетто (лето 1943 г.);
- 11) четырехлетнего ребенка супружеской пары немецких евреев Риндскопф (март — апрель 1943 г.);
- 12) ребенка супружеской пары немецких евреев Леви;
- 13) немецкого еврея, обвиненного в том, что он не поддерживал чистоту в своем жилище (сентябрь 1943 г.);
- 14) немецкого еврея, передавшего письмо из трудового лагеря в гетто;
- 15) раненного белорусского еврея, оставшегося в живых после расстрела группы узников эсэсовцами (зима 1942—1943 гг.);
- 16) большого количества немецких евреев, не выполнивших указание Рюбе сделать на-

шивку на верхней одежде с указанием номера их дома³⁸.

По итогам разбирательства суд присяжных признал А. Рюбе виновным в 7 из 16 перечисленных злодеяний. Так, присяжные посчитали полностью доказанной вину подсудимого в убийстве 14 молодых немецких евреек летом 1943 г.³⁹ Как пояснял сам обвиняемый, ему было поручено расследование дела о краже 2 ящиков тушенки со склада в трудовом лагере. По обвинению в совершении этого «преступления» Рюбе задержал 2 девушек из еврейской рабочей бригады. В процессе расследования он выяснил, что к краже были причастны еще 12 узниц. Непосредственный начальник Адольфа Рюбе, руководитель подотдела В, курировавшего в гестапо «еврейский вопрос», оберштурмфюрер СС Отто Мюллер приказал Рюбе применить к виновным «особое обращение» («Sonderbehandlung»), что на языке нацистов означало расстрел. А. Рюбе в сопровождении двух латышских эсэсовцев вывел девушек за пределы гетто. Узницам приказали взять с собой одеяла, так как в качестве наказания их якобы поместят в лагерьный бункер. Однако девушки оказались на кладбище, где им было велено раздеться до нижнего белья. Расстрел проводился эсэсовцами. Рюбе, в свою очередь, лично отслеживал, чтобы узницы были мертвы. Если он обнаруживал, что кто-то из жертв остался в живых, преступник совершал контрольный выстрел в голову⁴⁰.

Как было доказано в суде, по подобной схеме Адольфом Рюбе были организованы расстрелы еще 10 немецких евреек (2—4-й эпизоды обвинения) и немецкого еврея по фамилии Зелигман, депортированного в Минск из Бремена (7-й эпизод)⁴¹.

Наиболее вопиющим преступлением, доказанным в ходе процесса, являлось участие А. Рюбе в массовом убийстве пациентов больницы «зондергетто». Как указано в материалах дела, в немецкой части Минского гетто размещалось два здания больницы для узников — «белый и красный дома». В июле — августе 1943 г., когда к нацистскому руководству в Минске пришло осознание того, что в скором

³⁶ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 10.

³⁷ В тексте приговора местные евреи фигурировали как «русские евреи».

³⁸ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 6—7.

³⁹ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 14.

⁴⁰ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 16—17.

⁴¹ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 17, 19—20.

времени гитлеровцам придется оставить белорусскую столицу, было принято решение при отступлении уничтожить больных узников как «ненужный балласт»⁴².

На одном из судебных заседаний были озвучены свидетельства немецкой еврейки «А»⁴³, которая дала показания в ходе предварительного следствия, однако не смогла подтвердить их под присягой в суде: до начала процесса она эмигрировала в Австралию. В гетто женщина заболела тифом и находилась на лечении в белом здании больницы. Из окна палаты она видела, как А. Рюбе в сопровождении латышских эсэсовцев подъехал на автомобиле к «красному дому». Нацисты зашли внутрь. Вскоре они вывели пациентов (мужчин, женщин и детей) из больницы и усадили в газенваген. Затем преступники зашли в «белый дом». Свидетель «А» лично слышала, как Рюбе приказывал больным, неспособным самостоятельно передвигаться, лечь на пол лицом вниз, после чего последовали выстрелы. В тот же вечер «А» рассказала о произошедшем узнику «Ste», который в момент экзекуции находился на принудительных работах. Последний выступил на суде в качестве свидетеля и под присягой дал идентичные показания⁴⁴.

На процессе выступали и другие бывшие узники, которые также слышали об этом преступлении из уст очевидцев события. Свидетель «F1» сообщил, что его отец видел, как А. Рюбе в сопровождении 2—3 латышских эсэсовцев заходил в здание больницы, где были осуществлены расстрелы прикованных к постели пациентов. Те же узники, которые могли самостоятельно передвигаться (примерно 50—80 чел.), были выведены на улицу и помещены в газенваген⁴⁵. Информацию о том, что Рюбе вместе с эсэсовцами расстреливал лежащих в кроватях больных, подтвердил свидетель «H». Его жена стала жертвой данной экзекуции. Незадолго до этого она была помещена в больницу в связи с психическим расстройством, которое женщина получила после смерти дочери — одной из 14 евреек, расстрелянных за кражу

2 ящиков тушенки⁴⁶. Еще один свидетель рассказывал о том, что вместе с другими узниками, вернувшимися вечером с работы, по заданию нацистов выносил трупы из зданий больницы. От очевидцев он узнал, что расстрелами руководил Адольф Рюбе⁴⁷.

Сам обвиняемый в ходе предварительного следствия говорил о том, что во время экзекуции лично проверял, убиты ли пациенты. Затем он заявил, что появился в больнице уже после массовых расстрелов, когда трупы были вынесены. На суде же А. Рюбе утверждал, что вообще не был в этот день в помещениях больницы, а только «проходил мимо» и «случайно» узнал о произошедшем. Тот факт, что подсудимый несколько раз менял свои показания, был расценен присяжными не в пользу обвиняемого⁴⁸.

В итоге суд посчитал доказанным, что А. Рюбе по приказу вышестоящего начальства принимал участие в расстрелах пациентов «белого дома». Его участие в экзекуции в «красном доме» было признано недоказанным ввиду недостаточности свидетельских показаний. Суду не удалось также определить точное количество жертв этого преступления. На процессе звучали цифры от 100 до 150 человек. Присяжные посчитали невозможным установить число убитых, за которое должен нести ответственность обвиняемый. Исходя из этого, суд пришел к выводу, что А. Рюбе виновен в убийстве «по меньшей мере одного человека»⁴⁹.

В ходе рассмотрения 14-го эпизода обвинения суд установил, что Рюбе самовольно (это значит — без приказа руководства) убил узника трудового лагеря на ул. Широкой. Как сообщили 2 очевидца, в период между 1 и 15 сентября 1943 г. обвиняемый в сопровождении еврейского старосты приехал в лагерь. Все узники были выстроены в шеренгу. К ним обратился А. Рюбе, державший в руках некое письмо. Он назвал фамилию одного из немецких евреев, спросил, является ли тот автором письма, и приказал узнику проследовать за ним в барак. Когда оба вошли в помещение, прозвучал выстрел. Как утверждали свидетели, кроме пре-

⁴² Das Urteil vom 15.12.1949. S. 17—18.

⁴³ В приговоре указаны лишь первые буквы фамилий свидетелей.

⁴⁴ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 24—25.

⁴⁵ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 23.

⁴⁶ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 23.

⁴⁷ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 24.

⁴⁸ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 21—22.

⁴⁹ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 25.

ступника и жертвы в бараке больше никого не было⁵⁰.

По всем остальным эпизодам обвинения А. Рюбе был признан невиновным. Однако ни по одному из них защите не удалось представить доказательств, исключающих вину обвиняемого. Основанием для решения суда послужила лишь недостаточность свидетельских показаний. В тексте приговора суд указал, что в первую очередь доверял показаниям очевидцев, допрошенных судом под присягой⁵¹. Такой подход существенно усложнял стратегию обвинения, так как большое количество евреев, выживших в годы войны, к 1949 г. эмигрировали из Германии, опасаясь повторения катастрофы. На суде было зачитано множество свидетельских показаний, подтверждающих преступную деятельность А. Рюбе в Минском гетто. Однако суд не всегда принимал их во внимание ввиду того, что свидетели, отсутствовавшие на судебном процессе, не могли под присягой подтвердить сказанное⁵².

Скептически суд относился и к показаниям свидетелей, которые не были очевидцами событий, а лишь воспроизводили информацию, полученную от других лиц. По мнению суда, у таких свидетелей, находившихся «под давлением ужасов пережитого», могла стереться грань между «увиденным и услышанным», «бесконечные» месяцы и годы, проведенные в гетто, «смешивались воедино», существовал «риск» того, что бывшие узники ошибочно приписывали все наиболее жестокие преступления именно А. Рюбе, являвшемуся для них «олицетворением зла»⁵³. Присяжные принимали во внимание свидетельства лиц, не являвшихся очевидцами, только если сказанное ими подтверждалось общим ходом событий или когда показания нескольких свидетелей были идентичными⁵⁴.

Приведем примеры, иллюстрирующие логику суда при оценке свидетельских показаний. Рассматривая эпизод об отравлении как минимум 50 немецких евреев, судьи проигнорировали показания двух бывших узников гетто, утверждавших, что они несколько раз видели, как

обвиняемый вместе со своими подчиненными загонял людей в газовые машины. По этому пункту обвинения А. Рюбе был признан невиновным. Присяжные обосновывали свою позицию следующим образом. Во-первых, свидетели не были допрошены судом под присягой, так как еще до начала процесса эмигрировали в США. Во-вторых, бывшие узники в ходе предварительного следствия сообщали, что данные экзекуции происходили летом 1942 г. Суд же пришел к выводу, что Рюбе прибыл в Минск только осенью того года. В-третьих, судьи не нашли подтверждения тому, что загнанные в автомобиль евреи были отравлены: свидетели могли видеть «транспортировку» узников⁵⁵.

Подобная ситуация сложилась и при оценке судом 12-го эпизода обвинения. На процессе были зачитаны показания очевидца, эмигрировавшего в США. По словам бывшего узника, обвиняемый расстрелял на кладбище еврейского ребенка. Однако свидетель затруднился назвать хотя бы приблизительную дату произошедшего. Он лишь указал, что преступление было совершено в «1942 или 1943 году». Кроме того, в распоряжении суда были показания другого свидетеля, который якобы слышал от отца покойного ребенка, что мальчик был отравлен в газенагене. Этот свидетель также затруднился ответить на вопрос о времени события. В итоге суд посчитал, что вина А. Рюбе не доказана⁵⁶.

В одном из случаев суд проигнорировал и показания очевидца, допрошенного в ходе судебного разбирательства. Бывший узник «Ме» утверждал, что А. Рюбе принимал участие в массовом расстреле 200 белорусских евреев. Однако судьи посчитали маловероятным, что немецкий еврей мог видеть расстрел, состоявшийся в бараке «русской» части гетто. Кроме того, присяжных смутил и тот факт, что, выступая перед судом, свидетель не смог воспроизвести точную картину происшедшего, «путался и часто корректировал свои показания». Ввиду того, что другие доказательства по данному эпизоду отсутствовали, суд посчитал А. Рюбе невиновным⁵⁷.

⁵⁰ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 18—19, 25—26.

⁵¹ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 26.

⁵² Das Urteil vom 15.12.1949. S. 26.

⁵³ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 28.

⁵⁴ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 26.

⁵⁵ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 27.

⁵⁶ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 28.

⁵⁷ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 27.

Осуществляя правовую оценку деяний, совершенных обвиняемым, суду надлежало найти ответы на ряд традиционных для немецкого уголовного процесса вопросов⁵⁸. В первую очередь суд определял, какова роль подсудимого в совершенных преступлениях: он являлся их исполнителем (Täter) либо пособником (Beihilfe)?

В немецком уголовном праве исполнителем считался тот, кто совершил преступление самостоятельно либо посредством другого лица (абз. 1 § 25 УК). Уголовный кодекс также предусматривал понятие «соисполнительство»: если несколько лиц совершали преступное деяние совместно, то каждый наказывался как совершивший это деяние (§ 47). Согласно § 27 УК, «как пособник наказывался тот, кто преднамеренно содействовал другому лицу в преднамеренном совершении противоправного деяния». Наказание пособнику определялось санкцией, предназначенной для исполнителя. Однако для первого предусматривалось смягчение наказания в соответствии с § 49 УК⁵⁹.

Разграничение исполнительства и пособничества осуществлялось по признакам субъективной стороны преступления (воля, умысел, мотив). В соответствии с этим, воля исполнителя направлена на достижение преступного результата. Воля же пособника подчинена исполнителю: не пособник, а исполнитель решает, следует ли первому завершить преступное деяние до конца⁶⁰.

Согласно немецкому уголовному праву, свобода воли являлась концептуальным источником вины. В «нормальных» условиях человек принимает свободное решение, совершать ли ему то или иное преступное деяние или отказаться от него. Немецкие правоведы сходились во мнении о том, что в «ненормальных» условиях (например, война, функционирование гитлеровского тоталитарного режима) свобо-

да лица принимать решения ограничена, что должно признаваться в качестве смягчающего обстоятельства⁶¹.

При рассмотрении 14-го эпизода обвинения было установлено, что обвиняемый совершил убийство немецкого еврея по собственной инициативе, не имея на то приказа начальства. Тут вывод суда был однозначным: А. Рюбе являлся исполнителем преступления⁶².

В остальных же случаях подсудимый действовал в соответствии с приказами своего руководства. Исходя из этого, сторона защиты настаивала на том, что А. Рюбе был пособником этих преступлений. Суд согласился с тем, что обвиняемый действительно выполнял чужую волю. Однако в приговоре было отмечено, что преступник имел собственный мотив, позволявший ему действовать преднамеренно, осознавая и желая наступления преступных последствий. По мнению суда, мотив обвиняемого был отличим от мотива нацистского руководства: А. Рюбе не разделял идеи расовой идеологии, он не был антисемитом и не убивал евреев по причине их «расового происхождения»⁶³. Присяжные пришли к выводу, что в основе преступного мотива Рюбе лежало желание показать себя, проявить инициативу, «выслужиться» перед руководством и продвинуться по карьерной лестнице⁶⁴.

Такие суждения подкреплялись показаниями сослуживцев обвиняемого. Коллеги А. Рюбе по службе в полиции Карлсруэ характеризовали его как «жалобщика», трусливого, неуверенного в себе, «мякотелого» сотрудника. По их словам, обвиняемый зачастую сталкивался с насмешками со стороны сослуживцев, его принимали за «человека со странностями». Коллеги отмечали его постоянное желание «выслужиться» перед руководством и доказать свою профессиональную пригодность. По этой причине он получил кличку «ка-

⁵⁸ См., например: *Pendas D. O. Der Auschwitz-Prozess. Völkermord vor Gericht. München, 2013. S. 250—265.* Д. Пендас в своем исследовании описывает, как Франкфуртский суд давал правовую оценку деяниям, совершенным нацистскими преступниками в лагере смерти Аушвиц.

⁵⁹ Сравните: *Аустов Л. С., Краев Д. Ю. Уголовное право зарубежных стран. СПб., 2013. С. 16—17.*

⁶⁰ См. подробно: *Pendas D. O. Op. cit. S. 66—75.*

⁶¹ Исходя из этого, многие нацистские преступники утверждали, что совершали преступления в состоянии крайней необходимости: «под угрозой для собственной жизни» они были вынуждены выполнять преступные приказы начальства. См. об этом: *Freudiger K. Die juristische Aufarbeitung von NS-Verbrechen. Tübingen, 2002. S. 143—270.*

⁶² *Das Urteil vom 15.12.1949. S. 25—26.*

⁶³ *Das Urteil vom 15.12.1949. S. 30.*

⁶⁴ *Das Urteil vom 15.12.1949. S. 31—32.*

рьерист»⁶⁵. Свидетели отмечали, что нередко А. Рюбе выходил за рамки своих обязанностей, заботился о вещах, которые его не касались, и таким образом стремился привлечь к себе внимание начальства. Один из коллег вспоминал на процессе, как А. Рюбе обратился с письмом к шефу немецкой полиции по поводу нерационального использования мусорных баков⁶⁶. Однако вплоть до отправки в Минск ему не удавалось изыскать похвалы начальства. И даже в белорусской столице, по собственному признанию обвиняемого, начальник криминальной полиции обращался с ним «бесцеремонно»⁶⁷.

Лишь перевод в гестапо, где ему поручался контроль над Минским гетто, предоставил А. Рюбе шанс «проявить себя». В тексте приговора суд отмечал: «впервые в жизни А. Рюбе получил в свои руки власть», тысячи людей «по-рабски» были подчинены его воле, обвиняемый становился «властелином людских судеб»⁶⁸. Как заявила на процессе свидетель, гражданка Германии «Br», после возвращения из Минска А. Рюбе говорил ей, что в гетто он был «и судьей, и палачом одновременно»⁶⁹. Исходя из этого, подсудимый был признан соисполнителем (Mittäter) преступлений наравне с вышестоящими нацистскими функционерами, отдававшими приказы⁷⁰.

Вслед за этим суд задался вопросом, являлись ли приказы об уничтожении людей, которые выполнял А. Рюбе, правомерными с точки зрения действовавшего в нацистской Германии законодательства?⁷¹ Судьи пришли к выводу, что убийства людей без вступившего в законную силу приговора суда противоречили нормам права Третьего рейха. В обоснование своей позиции суд обратился к анализу соответствующих норм немецкого права. Так, Распоряжение об уголовном судопроизводстве в отношении поляков и евреев на аннексирован-

ных восточных территориях от 4 декабря 1941 г. предписывало, что решение о «жизни либо смерти» обвиняемого из числа поляков или евреев должно было приниматься исключительно в ходе судебного разбирательства⁷². Была дана правовая оценка так называемой договоренности между рейхсфюрером СС Г. Гиммлером и министром юстиции Третьего рейха О. Тирак от 5 ноября 1942 г., согласно которой функции ведения уголовного судопроизводства по отношению к евреям переходили от юстиции к полиции. Суд отметил, что это решение не было легитимным, право Германии не знало такого источника, как «договоренности между отдельными органами власти»⁷³.

В ходе судебного разбирательства был сделан однозначный вывод: немецкая полиция не имела права выносить решения о лишении жизни людей. Приказы, которые получал А. Рюбе от своего руководства, маркированные буквой L, что означало «ликвидировать», не имели ничего общего с правомерными приговорами⁷⁴.

Суд исходил из того, что обвиняемый, имевший за плечами 20-летний опыт работы в полиции, был хорошо знаком со спецификой немецкого уголовного процесса, он знал, что человек мог быть приговорен к смерти лишь согласно приговору суда. Более того, по собственному признанию А. Рюбе, ему было хорошо известно о том, что на Востоке нормы уголовного процесса не соблюдаются, немецкая полиция совершает массовые расстрелы евреев. Именно поэтому он и стремился избежать командирования в Минск⁷⁵. Согласно свидетельствам «Br», возвратившись из белорусской столицы на родину, А. Рюбе признался ей, что опасался ответственности за содеянное⁷⁶.

Данные факты позволили суду констатировать, что подсудимый не заблуждался по поводу правомерности выполняемых приказов, он

⁶⁵ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 9.

⁶⁶ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 9.

⁶⁷ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 12.

⁶⁸ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 38.

⁶⁹ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 31.

⁷⁰ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 32.

⁷¹ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 32.

⁷² Das Urteil vom 15.12.1949. S. 33.

⁷³ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 34.

⁷⁴ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 34.

⁷⁵ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 33.

⁷⁶ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 31.

совершал убийства с полным осознанием преступного характера своих действий. Суд также принял во внимание и тот факт, что наказания, приведенные А. Рюбе в исполнение, во всех случаях не соответствовали вине узников (кража тушенки, нарушение порядка отправки писем и т.д.). Особое внимание присяжные уделили оценке эпизода, связанного с уничтожением пациентов больницы Минского гетто: в этом случае были уничтожены абсолютно невинные люди, находившиеся в беспомощном состоянии⁷⁷.

Сторона защиты настаивала на том, что у обвиняемого не было иного выхода, кроме как выполнять приказы руководства: Рюбе находился в состоянии крайней необходимости, за отказ от выполнения приказа он мог поплатиться собственной жизнью⁷⁸. Преступник утверждал, что являлся свидетелем ситуаций, когда его сослуживцев расстреливали за отказ от выполнения приказов. Однако коллеги А. Рюбе, выступавшие на процессе в качестве свидетелей, говорили, что «не припомнят» подобных угроз и наказаний со стороны начальства⁷⁹.

Суд пришел к выводу, что у Адольфа Рюбе были возможности избежать участия в акциях уничтожения. В распоряжении присяжных имелись сведения о том, что полицейских отправляли назад в Германию в случае, если после участия в экзекуциях у них возникали проблемы с психикой. Как установил суд, подсудимый после прибытия в Минск не предпринимал никаких попыток получить разрешение вернуться на родину или перейти на другое место службы⁸⁰.

В ходе процесса рассматривался эпизод о возможном участии А. Рюбе в уничтожении Слуцкого гетто в феврале 1943 г.⁸¹ Обвиняемый утверждал, что ему удалось избежать участия в этом преступлении. По его словам, он лишь считал количество грузовиков, покидающих гетто. Данный факт укрепил уверенность суда в том, что при желании А. Рюбе имел возмож-

ность отказаться от участия в преступных акциях. Следовательно, подсудимый совершал преступления без какого-либо принуждения⁸².

Принципиальное значение для вынесения приговора имела квалификация убийств, в которых принимал участие обвиняемый. Немецкое право выделяло три вида убийств: тяжкое (Mord), простое (Totschlag) и менее тяжкие случаи убийств⁸³. Абзац 1 § 211 УК определял, что субъект тяжкого убийства подлежит пожизненному лишению свободы. В абзаце 2 данного параграфа давалось определение субъекта такого убийства: «Убийцей является тот, кто из желания убить, с целью удовлетворения полового влечения, корысти или иных низменных побуждений, коварно или жестоко или общеопасными средствами убивает человека с целью совершения другого преступления или сокрытия уже совершенного преступления». Простое убийство определялось в § 212 как убийство, совершенное при отсутствии признаков, указанных в предыдущем параграфе. Наказание за простое убийство предусматривало лишение свободы на срок не менее 5 лет⁸⁴. Таким образом, суду присяжных необходимо было не просто установить сам факт совершения Адольфом Рюбе вменяемых ему убийств, но и выяснить, что двигало преступником, каков был его мотив⁸⁵.

Суд пришел к выводу, что в действиях обвиняемого отсутствовали признаки, указывающие на то, что им двигало желание убивать⁸⁶. В немецкой судебной практике «желание убивать» трактовалось как «неестественная радость от лишения человека жизни». Как отметил в своей работе Д. Пендас, доказать наличие данного квалифицирующего признака убийства было практически невозможно: доказательством могли послужить лишь такие объективные факты, как улыбка на лице преступника, соответствующее высказывание, произнесенное им в момент совершения преступления⁸⁷.

⁷⁷ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 34.

⁷⁸ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 35.

⁷⁹ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 35.

⁸⁰ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 36.

⁸¹ Об уничтожении Слуцкого гетто см.: *Gerlach Ch.* Kalkulierte Morde. S. 733—734.

⁸² Das Urteil vom 15.12.1949. S. 35.

⁸³ Для рассмотрения нацистских преступлений принципиальное значение имели отличия между первыми двумя видами.

⁸⁴ Сравните: *Аустов Л. С., Краев Д. Ю.* Указ. соч. С. 22.

⁸⁵ *Pendas D. O.* Op. cit. S. 62—65.

⁸⁶ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 40.

⁸⁷ *Pendas D. O.* Op. cit. S. 62.

В качестве одного из мотивов преступлений А. Рюбе суд рассматривал удовлетворение полового влечения. Эксперт-психиатр, приглашенный на процесс, утверждал, что в основе преступлений Рюбе лежали его сексуальные проблемы. Доктор обращал внимание на то, что из-за болезни супруги половая жизнь подсудимого была «чахлой». По словам специалиста, «из чувства долга» обвиняемый оставался верен жене и поэтому был вынужден постоянно подавлять в себе половое влечение. Эксперт утверждал, что вид молодых и красивых девушек приводил А. Рюбе «в волнение». Именно этим доктор объяснял большое количество юных особ среди жертв преступника. Также эксперт обращал внимание суда на тот факт, что Рюбе заставлял своих жертв раздеваться до нижнего белья⁸⁸. Однако суд не нашел в материалах дела доказательств того, что подсудимый руководствовался в своих действиях именно желанием сексуального удовлетворения. Тот факт, что жертвы принуждались снимать верхнюю одежду, был расценен судом как общепринятая для нацистских экзекуций практика⁸⁹.

В действиях Адольфа Рюбе суд не обнаружил также коварства и жестокости.

В немецкой судебной практике под коварством понималось введение жертвы в заблуждение. Другими словами, коварное убийство осуществлялось путем злоупотребления доверием жертвы⁹⁰. В случае А. Рюбе, по мнению суда, узники понимали, что их ожидает смерть, когда попадали на кладбище и снимали с себя одежду⁹¹.

Под убийством, совершенным с жестокостью, в немецком уголовном праве подразумевалось бесчувственное и безжалостное лишение жизни, принесшее жертве телесные и душевные страдания. Суд посчитал, что убийства, организованные обвиняемым, несомненно, принесли боль и страдания жертвам. Однако, согласно сложившейся практике, этого было недостаточно для признания убийства жестоким. Немецкое уголовное право, фокусировавшее свое внимание не на страданиях жертв, а на внутреннем мире (психическом состоянии)

преступника, требовало от суда установления факта «бесчувственности» и «безжалостности» убийцы. Исходя из этого, суд посчитал, что А. Рюбе воспринимал способ убийства (расстрел) «как должное» и «не задумывался» над теми душевными страданиями, которые испытывали жертвы в момент экзекуции⁹².

Рассматривая вопрос о наличии в преступных действиях обвиняемого низменных побуждений, судьи пришли к выводу, что участие А. Рюбе в массовом уничтожении пациентов больницы Минского гетто было продиктовано низменным мотивом. Подсудимый убивал ни в чем не повинных, находившихся в беспомощном состоянии людей только лишь с одной-единственной целью — проявить себя и показать свою преданность руководству. По данному эпизоду суд квалифицировал деяние обвиняемого как тяжкое убийство⁹³.

Таким образом, А. Рюбе, обвинявшийся в убийстве 436 евреев Минского гетто, был признан виновным в противоправном лишении жизни 27 человек. В приговоре указывалось, что подсудимый совершил 26 простых и 1 тяжкое убийство. За совершение тяжкого убийства А. Рюбе был осужден на пожизненное заключение. Наказание за простые убийства назначались следующим образом. За убийство 24 евреев (1—3-й, 7-й эпизоды обвинения) суд назначил наказание в виде 6 лет лишения свободы за каждого убитого человека. 5 лет лишения свободы преступник получил за убийство еврейки, «уличенной» в половых связях с христианином (4-й эпизод). За убийство узника трудового лагеря, нарушившего правила переписки (14-й эпизод), Рюбе был приговорен к 10 годам лишения свободы. В итоге за совершение 26 простых убийств путем частичного сложения наказаний подсудимый получил 15 лет тюрьмы⁹⁴.

Сторона защиты не согласилась с приговором суда и подала ревизионную жалобу в Высший суд земли Баден-Вюртемберг в Штутгарте. Разбирательство проходило 28—29 июня 1951 г. В жалобе защита указывала на ошибку суда присяжных: в качестве обстоятельства,

⁸⁸ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 37.

⁸⁹ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 37.

⁹⁰ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 37.

⁹¹ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 40.

⁹² Das Urteil vom 15.12.1949. S. 40.

⁹³ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 41.

⁹⁴ Das Urteil vom 15.12.1949. S. 42.

смягчающего наказание, не был признан тот факт, что А. Рюбе, совершая убийства по приказам вышестоящего руководства, находился в состоянии крайней необходимости. В частности, адвокат ссылался на абз. 2 ст. 2 Закона № 28 «О наказании за преступления национал-социализма» от 31 мая 1946 г.⁹⁵ Данная норма предусматривала учет смягчающих вину обстоятельств (действие по приказу) при назначении наказания за тяжкие убийства. Таким образом, сторона защиты рассчитывала на отмену приговора в части, касающейся назначения Адольфу Рюбе пожизненного заключения за участие в уничтожении пациентов больницы⁹⁶.

В своем решении Высший суд указал, что присяжные при вынесении приговора не рассмотрели возможность смягчения наказания в соответствии с абз. 2 ст. 2 Закона № 28. Суд посчитал, что применение нормы данного Закона позволяло отклониться от санкции, предусмотренной § 211 УК ФРГ, и назначить вместо пожизненного заключения определенный срок лишения свободы. В итоге приговор суда присяжных был отменен, а дело направлено на новое рассмотрение⁹⁷.

В ноябре 1951 г. состоялось повторное рассмотрение дела. Суд присяжных в приговоре от 7 ноября 1951 г. назначил А. Рюбе такое же наказание, как и по итогам первого разбирательства. Судьи пришли к выводу, что нормы Закона № 28 не обязывают правосудие учитывать всякий факт действий преступника по приказу в качестве смягчающего обстоятельства, а лишь представляют суду возможность самостоятельно определить, заслуживает ли подсудимый смягчения наказания⁹⁸. Логика суда была следующей. На процессе не были представлены доказательства того, что обвиняемый выполнял преступные приказы под принуждением. Он не пытался избежать участия в экзекуциях. Сознание А. Рюбе не находилось «в плену» нацистской расовой идеологии. Подсудимый совершал свои деяния добровольно, осознанно и лишь с одной целью — проявить себя и получить признание со стороны начальства. Ссылаясь на это, суд отказался отступить

от санкции § 211 УК (пожизненное заключение)⁹⁹.

В ответ на это защита обратилась с ревизионной жалобой уже в Верховный суд Западной Германии. Высшая судебная инстанция ФРГ своим решением от 18 июля 1952 г. отклонила данную жалобу и оставила приговор суда присяжных в силе¹⁰⁰. А. Рюбе отбывал наказание в тюрьме города Брухзаль. В 1962 г. он был амнистирован и до своей смерти в 1974 г. проживал в Карлсруэ.

Таким образом, процесс против Адольфа Рюбе, в ходе которого немецкая Фемида впервые рассматривала нацистские злодеяния, совершенные на территории Беларуси, ярко проиллюстрировал концептуальные подходы не только юстиции ФРГ, но и всего западногерманского общества к оценке преступлений холокоста в Восточной Европе.

На процессе в Карлсруэ рассматривались отдельные преступные деяния А. Рюбе, вырванные из общего контекста происходящего в белорусской столице и Минском гетто. В ходе судебного разбирательства не упоминалось о том, что в гетто было уничтожено около 100 тыс. евреев, что в Минске, как и в сотнях других городов и местечек Восточной Европы, осуществлялся тщательно организованный Третьим рейхом, бюрократически спланированный геноцид евреев. Речь не шла об участии А. Рюбе в преступлении геноцида, он обвинялся в совершении ряда абсолютно не связанных между собой убийств, каждое из которых было продиктовано отдельным мотивом. Процесс был всецело сконцентрирован на рассмотрении особенностей внутреннего мира преступника: судей в первую очередь интересовало, что чувствовал, о чем думал и чем руководствовался преступник, совершая убийства. В этой связи страдания жертв и беспрецедентные случаи унижения человеческого достоинства отходили на второй план.

Представляя холокост в виде мозаики индивидуальных, не связанных между собой преступных деяний, немецкая юстиция, вслед за всем немецким обществом, отказывалась

⁹⁵ Этот Закон определял порядок уголовного преследования нацистских преступников в земле Баден-Вюртемберг. См.: *Arendes C.* Op. cit. S. 85, 287.

⁹⁶ Das Urteil des Oberlandgerichts Stuttgart vom 29.06.1951, 2 Ss 52/50. S. 44—53.

⁹⁷ Das Urteil vom 29.06.1951. S. 53—55.

⁹⁸ Das Urteil des Landgerichts Karlsruhe vom 07.11.1951, 3a Ks 2/49. S. 4.

⁹⁹ Das Urteil vom 07.11.1951. S. 3—5.

¹⁰⁰ Das Urteil des Bundesgerichtshofs vom 18.07.1952, 1 StR 135/52. S. 56—57.

признавать тот факт, что в геноциде евреев были задействованы сотни тысяч граждан Германии¹⁰¹. В обществе создавалась иллюзия того, что холокост — это плод деяний Гитлера, его фанатичного окружения и отдельно взятых «патологических садистов», «сексуальных маньяков» и «выскочек», стремившихся самоутвердиться за счет еврейских жертв. Ярким тому подтверждением являлась реакция региональной прессы на процесс против А. Рюбе. Rhein-Neckar-Zeitung 16 декабря 1949 г. сообщала своим читателям, что суд присяжных в Карлсруэ вынес приговор «минскому убийце», «извращенному психопату» Адольфу Рюбе¹⁰². Одна из городских газет Карлсруэ — *Karlsruher Neue Zeitung* — в тот же день опубликовала статью под заголовком «Пожизненное для палача Минска!»¹⁰³. В демонизации отдельных личностей германская общественность находила алиби для большинства «нормальных» немцев, которые якобы «ничего не знали» о массовом уничтожении евреев в Восточной Европе¹⁰⁴.

Как показывает процесс против А. Рюбе, для того, чтобы привлечь нацистских преступников, участвовавших в массовом уничтожении людей, к ответственности, соразмерной содеянному, обвинение должно было доказывать не количество совершенных убийств, а то, что они совершались при наличии особых субъективных признаков (желание убивать, сексуальное удовлетворение или особые низменные побуждения). В отличие от Закона Контрольного совета № 10, ориентированного на защиту жертв нацизма, УК ФРГ в большей степени был заточен под интересы преступников, позволял им рассчитывать на смягчение наказания. Интересам нацистских преступников в немецком уголовном праве отвечало отсутствие таких составов, как геноцид, преступления против мира и человечности, разграничение тяжких и простых убийств, понятий «исполнитель» и «пособник» преступления, а также принятие в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, факта совершения преступного деяния по приказу и в силу крайней необходимости.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аистов Л. С., Краев Д. Ю.* Уголовное право зарубежных стран. — СПб. : СПЮИ (ф-л) Академии Ген. прокуратуры РФ, 2013. — 132 с.
2. *Асташкин Д. Ю.* Открытый судебный процесс над нацистскими военными преступниками в Новгороде (1947 г.) // Новгородский исторический сборник. — 2014. — № 4. — С. 352—375.
3. *Жаронкина Е. А.* Денацификация в американской зоне оккупации Германии: этапы, проблемы и итоги // Известия Алтайского государственного университета. — 2008. — № 4. — С. 63—67.
4. *Ледях И. А.* Нацистские преступники и судебная практика в ФРГ. — М. : Юрид. лит., 1973. — 162 с.
5. *Лицкевич О.* Людские потери Беларуси в войне // Беларуская думка. — 2009. — № 5. — С. 92—97.
6. *Смиловицкий Л.* Катастрофа евреев в Белоруссии. — Тель-Авив : Библиотека М. Черного, 2000. — 434 с.
7. Тростенец: трагедия народов Европы, память в Беларуси : документы и материалы / сост. В. И. Адамуско [и др.]. — Минск : Бел. Энциклапедыя імя П. Броўкі, 2016. — 520 с.
8. *Шаркоў А.* Нацысцкія злачынцы перад судом ваенных трыбуналаў у Беларусі ў 1945—1950 гг. // Беларускі гістарычны часопіс. — 2010. — № 7. — С. 41—50.
9. *Arendes C.* Zwischen Justiz und Tagespresse. «Durchschnittstäter» in regionalen NS-Verfahren. — Paderborn : Schöningh, 2012. — 415 S.
10. *Bauer F.* Nach den Wurzeln des Bösen fragen. Aus dem Wortlaut eines Vortrages von Generalstaatsanwalt Dr. Fritz Bauer // Forschungsjournal Soziale Bewegung. — 2015. — Heft 4. — S. 120—124.
11. *Cyprian T., Sawicki J.* Siedem wyroków Najwyższego Trybunału Narodowego. — Poznań : Instytut Zachodni, 1962. — 383 s.

¹⁰¹ См., например: *Bauer F.* Nach den Wurzeln des Bösen fragen. Aus dem Wortlaut eines Vortrages von Generalstaatsanwalt Dr. Fritz Bauer // Forschungsjournal Soziale Bewegung. 2015. Heft 4.

¹⁰² *Arendes C.* Op. cit. S. 151, 312.

¹⁰³ *Arendes C.* Op. cit. S. 312.

¹⁰⁴ См.: *Pendas D. O.* Op. cit. S. 313.

12. Dalhouski A. Zur Geschichte der Wahrnehmung vom Vernichtungsort Malyj Trosteneц // Leerstelle(n)? Der deutsche Vernichtungskrieg 1941—1944 und die Vergegenwärtigung des Geschehens nach 1989 / Hg. A. Klei, K. Stoll. — Berlin : Neofelis Verlag, 2018. — S. 135—149.
13. Der Nationalsozialismus vor Gericht: die alliierten Prozesse gegen Kriegsverbrecher und Soldaten 1943—1952 / Hg. G. R. Ueberschär. — Frankfurt am Main : Fischer-Taschenbuch-Verl., 1999. — 319 S.
14. Eichmüller A. Keine Generalamnestie. Die Strafverfolgung von NS-Verbrechen in der frühen Bundesrepublik. — München : Oldenbourg Verlag, 2012. — 476 S.
15. Epstein B. The Minsk Ghetto, 1941—1943. Jewish Resistance and Soviet Internationalism. — University of California Press, 2008. — 376 p.
16. Freudiger K. Die juristische Aufarbeitung von NS-Verbrechen. — Tübingen : Mohr Siebeck, 2002. — 444 S.
17. Gerlach Ch. Deutsche Wirtschaftsinteressen, Besatzungspolitik und der Mord an den Juden in Weißrussland 1941—1943 // «Existiert das Ghetto noch?» Weißrussland: Jüdisches Überleben gegen nationalsozialistische Herrschaft / Hg. Projektgruppe Belarus. — Berlin : Assoziation A, 2003. — S. 193—210.
18. Gerlach Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941 bis 1944. — Hamburg : 1999. — 1231 S.
19. Heydecker J. J., Leeb J. Der Nürnberger Prozess. — Köln, 2015. — 768 S.
20. Hoffmann J. «Das kann man nicht erzählen»: «Aktion 1005», wie die Nazis die Spuren ihrer Massenmorde in Osteuropa beseitigten. — Hamburg, 2008. — 650 S.
21. Jasch H.-Ch., Kaiser W. Der Holocaust vor deutschen Gerichten: Amnestieren, Verdrängen, Bestrafen. — Ditzingen : Reclam, 2017. — 263 S.
22. Pauli G. Ein hohes Gericht — Der Oberste Gerichtshof für die Britische Zone und seine Rechtsprechung zu Straftaten im Dritten Reich // 50 Jahre Justiz in Nordrhein-Westfalen / Red. P. Busse. — Düsseldorf : NRW Justizministerium, 1996. — S. 95—120.
23. Pendas D. O. Der Auschwitz-Prozess. Völkermord vor Gericht. — München : Campus-Verl., 2013. — 565 S.
24. Perels J. Verpasste Chancen. Zur Bedeutung der Nürnberger Nachfolgeprozesse vor dem Hintergrund der ungenügenden Strafverfolgung von NS-Täter in der BRD // Die frühen Nachkriegsprozesse / Hg. K. Buck. — Bremen : Ed. Temmen, 1997. — S. 30—37.
25. Weinke A. Die Verfolgung von NS-Tätern im geteilten Deutschland. Vergangenheitsbewältigungen 1949—1969 oder: Eine deutsch-deutsche Beziehungsgeschichte im Kalten Krieg. — Paderborn : F. Schöningh, 2002. — 514 S.
26. Wentker H. Die juristische Ahndung von NS-Verbrechen in der Sowjetischen Besatzungszone und in der DDR // Kritische Justiz. — 2002. — Vol. 35. — S. 60—78.
27. Zeidler M. Der Minsker Kriegsverbrecherprozess vom Januar 1946 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. — 2004. — Heft 2. — S. 211—244.

Материал поступил в редакцию 5 июля 2019 г.

THE VERDICT IN KARLSRUHE: "LIFE IMPRISONMENT FOR THE BUTCHER FROM MINSK!"

Aleksandr P. Grakhotskiy, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of Department of Theory and History of State and Law, Head of International Relations Department of Francisk Skorina Gomel State University
grahocki@gmail.com
ul. Kirova, 119, Gomel, Republic of Belarus, 246019

Abstract. *The trial against Karlsruhe criminal police Secretary Adolf Rube, held in 1949, was the first trial in Germany, during which Nazi atrocities committed on the territory of Belarus were considered. By the example of this process, the paper attempts to identify the specifics of West Germany courts' consideration of criminal cases related to the commission of Holocaust crimes in Eastern Europe. German law excluded the possibility of punishing Nazi criminals for genocide, crimes against peace and humanity. Guided by the norms of the German Criminal Code of 1871, German justice considered each case of murder of Jews during the years of national socialism as a separate crime, caused by personal motives. Based on this, A. Rube was punished not for participating in the state-organized, bureaucratically planned genocide of the Jewish people, but for committing separate, unrelated*

murders. The defendant, who was accused of killing 436 Jews in the Minsk ghetto, was found guilty of unlawfully depriving 27 people of their lives and sentenced to life imprisonment. However, in 1962 he was amnestied and was released. By presenting the Holocaust as a mosaic of individual, unrelated criminal acts, German justice maintained the illusion that "normal" Germans "knew nothing" about the mass extermination of Jews, that the Holocaust was solely the product of the Hitler's actions, his fanatical entourage, and individual "pathological sadists," "sex maniacs," and "upstarts" such as A. Rube, who sought to assert themselves at the expense of Jewish victims.

Keywords: *Adolf Rube, Minsk ghetto, Holocaust, genocide, mass destruction of Jews, Nazi criminals, Germany, criminal law, court, sentence, responsibility, guilt, crime, witnesses, victims.*

REFERENCES

1. Aistov, L.S., & Kraev, D. Yu. (2013). Uголовное право зарубезhnykh stran [Criminal law of foreign countries]. St. Petersburg: SPYul (f-l) Akademii Gen. prokuratury RF, 2013. 132 p.
2. Astashkin, D.Yu. (2014). Otkrytyy sudebnyy protsess nad natsistskimi voennymi prestupnikami v Novgorode (1947 g.) [Open trial of Nazi war criminals in Novgorod (1947)]. Novgorodskiy istoricheskiy sbornik [Novgorod historical collection]. No. 4. Pp. 352-375. (In Russ.).
3. Zharonkina, E.A. (2008). Denatsifikatsiya v amerikanskoj zone okkupatsii germanii: etapy, problemy i itogi [Denazification in the American zone of occupation in Germany: stages, problems and results]. Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta [Altai State University Journal]. No. 4. Pp. 63-67. (In Russ.).
4. Ledyakh, I.A. (1973). Natsistskie prestupniki i sudebnaya praktika v FRG [Nazi criminals and court practice in FRG]. Moscow: Yurid. Lit. Publ. 162 p. (In Russ.).
5. Litskevich, O. (2009). Lyudskie poteri Belarusi v voyne [Human losses of Belarus in the war]. Belaruskaya dumka [Belarusian Thought]. No. 5. Pp. 92-97. (In Russ.).
6. Smilovitskiy L. (2000). Katastrofa evreev v Belorussii [The catastrophe of the Jews in Belarus]. Tel Aviv: M. Cherny Library. 434 p. (In Russ.).
7. Trostenets: tragediya narodov Evropy, pamyat v Belarusi: dokumenty i materialy [Trostenets: the tragedy of the peoples of Europe, memory in Belarus: documents and materials]. (2016). Comp. by V.I. Adamushko [et al.]. Minsk: Bel. Entsylapedyya imya P. Broŭki. 520 p. (In Russ.).
8. Sharkoŭ, A. (2010). Natsystskiya zlachyntsy perad sudom vaennykh trybunalaŭ u belarusi ŷ 1945—1950 gg. belaruskij gistorychny chasopis. No. 7. Pp. 41—50.
9. Arendes, C. (2012). Zwischen Justiz und Tagespresse. «Durchschnittstäter» in regionalen NS-Verfahren. Paderborn: Schöningh. 415 p.
10. Bauer F. (2015). Nach den Wurzeln des Bösen fragen. Aus dem Wortlaut eines Vortrages von Generalstaatsanwalt Dr. Fritz Bauer. Forschungsjournal Soziale Bewegung. Heft 4. Pp. 120—124.
11. Cyprian, T., & Sawicki, J. (1962). Siedem wyroków Najwyższego Trybunału Narodowego. Poznań: Instytut Zachodni. 383 p.
12. Dalhouski, A. (2018). Zur Geschichte der Wahrnehmung vom Vernichtungsort Malyj Trostenec. Leerstelle(n)? Der deutsche Vernichtungskrieg 1941-1944 und die Vergegenwärtigung des Geschehens nach 1989. Hg. A. Klei, K. Stoll. Berlin: Neofelis Verlag. Pp.135—149.
13. Der Nationalsozialismus vor Gericht: die alliierten Prozesse gegen Kriegsverbrecher und Soldaten 1943—1952. (1999). Hg. G. R. Ueberschär. Frankfurt am Main : Fischer-Taschenbuch-Verl. 319 p.
14. Eichmüller, A. (2012). Keine Generalamnestie. Die Strafverfolgung von NS-Verbrechen in der frühen Bundesrepublik. München: Oldenbourg Verlag. 476 p.
15. Epstein, B. (2008). The Minsk Ghetto, 1941-1943. Jewish Resistance and Soviet Internationalism. University of California Press. 376 p.
16. Freudiger, K. Die juristische Aufarbeitung von NS-Verbrechen. Tübingen: Mohr Siebeck. 444 p.
17. Gerlach, Ch. (2003). Deutsche Wirtschaftsinteressen, Besatzungspolitik und der Mord an den Juden in Weißrussland 1941—1943. «Existiert das Ghetto noch?» Weißrussland: Jüdisches Überleben gegen nationalsozialistische Herrschaft. Hg. Projektgruppe Belarus. Berlin: Assoziation A. Pp. 193—210.
18. Gerlach, Ch. (1999). Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941 bis 1944. Hamburg. 1231 p.

19. Heydecker, J.J., & Leeb, J. (2015). Der Nürnberger Prozess. Köln. 768 p.
20. Hoffmann, J. (2008). "Das kann man nicht erzählen": "Aktion 1005", wie die Nazis die Spuren ihrer Massenmorde in Osteuropa beseitigten. Hamburg. 650 p.
21. Jasch, H.-Ch., & Kaiser, W. (2017). Der Holocaust vor deutschen Gerichten: Amnestieren, Verdrängen, Bestrafen. Ditzingen: Reclam. 263 p.
22. Pauli, G. (1996). Ein hohes Gericht — Der Oberste Gerichtshof für die Britische Zone und seine Rechtsprechung zu Straftaten im Dritten Reich. 50 Jahre Justiz in Nordrhein-Westfalen. Red. P. Busse. Düsseldorf: NRW Justizministerium. Pp. 95—120.
23. Pendas, D.O. (2013). Der Auschwitz-Prozess. Völkermord vor Gericht. München : Campus-Verl. 565 p.
24. Perels, J. (1997). Verpasste Chancen. Zur Bedeutung der Nürnberger Nachfolgeprozesse vor dem Hintergrund der ungenügenden Strafverfolgung von NS-Täter in der BRD. Die frühen Nachkriegsprozesse. Hg. K. Buck. Bremen: Ed. Temmen. Pp. 30—37.
25. Weinke, A. (2002). Die Verfolgung von NS-Tätern im geteilten Deutschland. Vergangenheitsbewältigungen 1949—1969 oder: Eine deutsch-deutsche Beziehungsgeschichte im Kalten Krieg. Paderborn: F. Schöningh. 514 p.
26. Wentker, H. (2002). Die juristische Ahndung von NS-Verbrechen in der Sowjetischen Besatzungszone und in der DDR. Kritische Justiz. Vol. 35. Pp. 60—78.
27. Zeidler, M. (2004). Der Minsker Kriegsverbrecherprozess vom Januar 1946. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. Heft 2. Pp. 211—244.